

Пятидесятые—шестидесятые: «железный занавес», «запретные плоды» и Элвис Пресли — начало начал... Сорок лет назад стилиги — первые экспенаты альтернативного стиля, по выражению Артема Троицкого, «меси́ли «лед холодной войны» своими дикими ботинками». Когда я два года назад узнала, что у нас в Царнице есть группа «Бурлаки», которая делает рок-н-ролл тех лет, то, с одной стороны, порадовалась наличию «связи времен», а с другой — несколько удивилась такой несовременности. Юезд-то вроде ушел, на дворе — другая эпоха... Однако лидер «Бурлаков» Антон Матежный заверил меня, что для сохранения молодости полезно не расставаться не только с комсомолом, но и с рок-н-роллом, и дальше наша беседа сложилась так...



Антон Матежный:

«ОТ НОРМАЛЬНОЙ ЖИЗНИ — ЗАСТРЕЛЮСЬ»

— **ВООБЩЕ-ТО** я себя не считаю стилигой, таким, как «Вася из Москвы». Скорее, мой имидж — Тэдди-бой, более западный вариант, то есть не пиджак и оранжевый галстук, а «кожа» и драные джинсы.

— **Имидж, говоришь?** Значит, это не «по жизни»?

— Да нет, в жизни тоже. Знаешь, есть такой великолепный фильм — «Плакса». Фильм о тех самых годах, и в нем все расставлено на свои места. Были прилизанные пихоны

и были хулиганы. Так вот я именно хулиган, и по мне это, кажется, видно.

— **Ты джинсы как, нарочно рвешь?**

— Бог с тобой. Вот эти я купил уже с дырой, это ж «секонд-хенд». Просто если есть дыра, я, в отличие от нормального человека, ее не зашью и тем более вещь не продам, а буду носить с особым кайфом. Люблю «битые» вещи.

— **Как реагируют на твой «бандитский» облик добропорядочные горожане?**

— Мне нравится ловить косые взгляды обывателей, нравится, как встречают меня по одежке девушки в лосинах и парни в турецких свитерах. Им не понять меня, а мне непостижимо их повальное стремление одеваться в «комках». Летом они тоже будут все одинаковые.

— **А ты?**

— А я просто покажу им свою наколку — Love and Hate.

— **Вот этого и мне, признаться, не понять.**

— Опять же стереотип — если татуировка, значит, ээк. А это, между прочим, целое искусство — боди-арт. И то, что написано у меня на плече — любовь и ненависть, — это две крайности, на которых все в этой жизни держится. Все остальные чувства — между двумя этими, вышшими.

— **Итак, три года назад ты попал на концерт местных рок-групп, пришел в ужас от их невыносимо серьезных и мрачных песен, собрал «Бурлаков», и вы стали играть старый добрый рок-н-...**

— Он не старый и добрый, а молодой и злой! И не только самый заводной и бесшабашный, но и самый искренний на все времена. С его помощью три года назад мы начали встряску

нашего города...

— **И заодно организовали «музей «Бурлаков» имени Антона Матежного. Не рано?**

— Нисколько. Лучше я тебе процитирую одного московского рокера: Чем больше нахальства — Тем шире фан-клуб. Тем больше и славы, И денег, и баб.

— **То есть я хочу сказать — все нормально, музей у уважающей себя группы должен появляться вместе с ней.**

— **Ты хорошо знаешь вашу публику?**

— Тинейжеры. Любимые и самые непосредственные зрители в отличие от, так сказать, «знатоков». Мнение этих «ценителей рока» меня не волнует. А своему зрителю я дарю свою любовь, но при этом хочу, чтобы он понял, что я ненавижу.

— **Насколько я знаю, вы больше не хотите петь про то, как «мы пришли из школы, и опять мамы не пускают нас гулять»?**

— Просто почувствовали, что начинаем фальшивить, кривить душой, что ли... А это очень неприятно. Более жесткая музыка поможет остаться искренними. Хотя песни про стилиг тоже были ничего. В свое время.

— **Как ты «делал» свой голос?**

— В одно прекрасное время попробовал спеть в манере Пресли. Вставал по утрам, ставил пластинку и пел вместе с ним. Вроде получилось.

— **Твои родители обрадовались, когда ты запел песни их молодости?**

— Мои родители — самые обычные люди, и глубоко жизненные проблемы волнуют их куда больше, чем мои творческие «всплески».

— **А тебя эти жизненные проблемы не тревожат вовсе? Зарплата, колбаса...**

— Тревожат, но... Надо вертеться. С голоду я не умираю, а на первом месте — рок-н-ролл, играя который, забываешь все. Если он действительно вселился в твою душу и ты исполняешь его с реной у рта, без тормозов, валяясь по полу, чтобы все было ненормально и блондинки рвались вперед.

— **Именно блондинки?**

— Есть такое высказывание, кажется, на майке Рода Стюарта: «С блондинками веселей». Идеал, конечно. И я пою о своих

идеалах, мечтах. Собственно, «Хей, брюнетка!» — тоже нормально.

— **Мне со стороны кажется, ты обижаешь вниманием своих поклонниц, держишь дистанцию.**

— Поклонницы — это, конечно, хорошо. Но хочется (делает страшные глаза) большой и светлой любви. И вообще я однолюб.

— **Уйдем от этой темы. Как у тебя в целом с духовной пищей?**

— Я понимаю, чего ты ждешь. Сейчас я скажу, что перечитал вот Пушкина, и это будет выглядеть как: «Ах, посмотрите, он, оказывается, классика уважает!» А вообще-то самый любимый писатель у меня — Корней Чуковский. Я тебе клянусь, это самый роковый автор. Ты послушай: «Робин-Бобин-барабек скушал сорок человек». Из этого стиха я первый в своей жизни рок-н-роллище сделал.

— **А кого ты не любишь?**

— Терпеть не могу Стинга, Фила Коллинза... Какие ж это рокеры? (Несколько «теплых» слов.) Тихая, сладкая музыка, никакой шизы. Музыка обывателей — спокойная, мирная, соседи не стучат...

— **Все с тобой ясно. В двадцать пять ты не женишься, в тридцать не**

сделаешь себе «хату», в тридцать пять не купишь «тачку». Говоришь, что от нормальной жизни — дом-работа-пиво — просто застрелишься. «Все не как у людей» — это что, смысл жизни?

— Если хочешь, да. Быть не таким, как все. Точнее, быть таким, как я хочу. А я хочу быть не таким, как все. Вот так!

— **Ну что ж, счастливо!**

В гостиной принимала
Евгения
Калуженкова.